

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Страхов Н.Н. Значение гегелевской философии в настоящее время. СПб., 1860, с.13-14.
2. Михайловский Н.К. Сочинения, СПб., 1896, т.1, с.707,708.
3. Страхов Н.Н. Бедность нашей литературы, СПб 1868, с.32.
4. Страхов Н.Н. Философские очерки, с.145.
5. Николайский Б.В. Николай Николаевич Страхов, СПб., 1896, с.242.
6. Толстой А.Н. Собрание сочинений в 20-ти т., М., 1965, т.17, с.89.
7. Страхов Н. Н. Литературная критика. СПб., с.233.
8. Переписка А. Н. Толстого с Н.Н. Страховым. с. 294.
9. Там же, с 325.
10. Страхов Н. Критические статьи. Т.1. с. 281.
11. Страхов Н. Критические статьи. Т. 1. с.286-287.
12. Горький М. Собр. сочинений в 30-ти томах. М., 1952, т. 14, с.39.
13. Переписка А.Н. Толстого с Н.Н. Страховым, с. 367.
14. Переписка А.Н. Толстого с Н.Н. Страховым, с. 355.
15. Страхов Н. Критические статьи. Т.1, с. 309.
16. Переписка А.Н. с Н.Н. Страховым. с.395.
17. Страхов Н. Критические статьи. Т.1, с. 215-216.
18. Переписка А.Н. Толстого с Н.Н.Страховым. с.374.
19. Переписка А.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. с.444
20. Страхов Н. Н. Критические статьи. Т.1. с. 308.

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ Н.Н. СТРАХОВА В ОТЗЫВАХ СОВРЕМЕННИКОВ

В. Н. Фомин, М. В. Фомина

Одной из задач литературоведения и преподавания литературы является анализ облика литературного героя или изучение личности писателя. Интересен он для психологии и для социологии личности. К слову сказать, русская классическая литература питала особое пристрастие к слабо социализованным личностям. Отсюда галерея *лишних образов*, *образ маленького человека* и т.п.

Встречающиеся в литературоведческой и учебной литературе описания зачастую представляют собой произвольную компиляцию *внешних* (соматических, физиологических) и *внутренних* (психологических, социологических) характеристик персонажа. В многих случаях такая бессистемная характеристика проистекает из-за отсутствия сколь-нибудь последовательной методологии подоб-

ного анализа. Однако в некоторых сферах деятельности, например, в криминалистике, существуют правила и соответствующие термины для составления *словесных портретов* людей. Такое систематизированное отражение внешних свойств человека позволяет говорить о формировании его *морфологического портрета*.

Вообще же человек по-разному представляется в различных методологических подходах и научных направлениях. Так, в рамках *деятельностного подхода* о нем говорят как о субъекте, в *психологии и социологии* - как о личности, апеллирование же к понятию индивида свойственно *классификационно-типологическому подходу*. Интересную шкалу социологических типов личности предлагает А.Н.Гумилев. Проводя градацию людей по степени социальной активности, он выделяет классы *пассионариев, субпассионариев* и *гармоников*. *Психологическую, социально-психологическую и социальную типологию личности* приводят Н.С.Данакин и С.И. Курганский. Каждая из них представляет большое количество *типов*, выделяемых по самым различным основаниям (1).

Например, типология людей по *темпераменту*, приводит к широко известным типам *сангвиника, флегматика, холерика и меланхолика* и сопровождается последующими уточнениями. Так, *сангвиник* - горячий, увлекающийся, продуктивный, *флегматик* - спокойный, ровный, настойчивый, упорный и т.п.

На самом деле каждый человек обладает не одной формой *темперамента*, а всеми четырьмя. Однако эти формы у разных людей выражены по-разному. Причем "удельный вес" каждой из них меняется не только с возрастом, но и в зависимости от жизненных обстоятельств. Встречается же, например, выделение в каждом человеке одновременно *физической, духовной и социальной сторон* личности. Получается, что *темперамент*, как важнейшая из психических *сторон* личности, обладает четырьмя *формами*, которые в свою очередь характеризуются наборами *признаков*. *Сторона* личности при этом, играет роль основания классификации, по которому осуществляется отнесение человека к определенному *типу*. Каждый тип представляет определенный класс людей, в который отбираются представители с некоторой ярко выраженной *стороной* личности. Менее ярко выраженные *стороны* при этом просто игнорируются.

Однако такое превалирование одних *сторон* и соответствующих им *признаков* над другими может оказаться не всегда ярко выраженным. Тогда личность человека будет носить *многосторонний*, противоречивый характер, человека трудно будет отождествить с одним из типов, а его идентификация потребует *многостороннего* комплексного изучения.

Это позволяет применить к рассмотрению каждого человека методологию так называемого *конфигурационного подхода*, пред-

ставляющего собой процедуру *многостороннего* рассмотрения некоторого объекта. С этой целью вокруг рассматриваемого объекта временно возводится многоярусная методологическая конструкция, называемая *конфигуратором аспектов*, представляющая собой организованную совокупность *точек зрения*, ориентированных на рассмотрения определенной *стороны* объекта. Каждой точке зрения, т.е. позиции, мысленно занимаемой субъектом или фиксирующей определенное методологическое направление, научную дисциплину и т.д., отвечает определенный *аспект*. Под аспектом (*взглядом* на что-либо) понимается другая четырехплановая методологическая конструкция, нацеленная на рассмотрение одной из *сторон* многослойного (многогранного) объекта. В общем случае можно говорить об *онтологическом* (рассматриваемой *стороне* объекта), *методологическом* (специфическом *методе* рассмотрения и интерпретации результата), *семиотическом* (специфическом *языке*, средствах репрезентации рассматриваемой *стороны*) и *когнитологическом* (частном *образе* объекта, представляющем результат его *одностороннего* рассмотрения) планах (2).

Если рассмотрение объекта ведется извне (*внешняя точка зрения*), то в качестве его *сторон* выступают *частные внешние облики* (параметрический, функциональный и т.п.), а если рассмотрение осуществляется изнутри (*внутренняя точка зрения*), то стороны отражают *частные внутренние облики* (частные структуры, сценарии функционирования и т.п.). Применительно к рассмотрению человека в последнем случае речь может идти о *личностных структурах* и *стереотипах поведения*.

Результат каждого *одностороннего* рассмотрения фиксируется посредством специфического для данного *аспекта* набора характеристик, составляющих главную часть его языка. При этом получается своеобразная “ромашка” его *частных образов*. Совокупность же таких “ромашек”, сформированных на различных *ярусах абстракции* (для свойств с различной степенью общности, рассматриваемых в шкале *общее-единичное*), дает его *полный облик*, который уместно назвать портретом объекта.

Отметим, что понятие портрета применяется как в психологии (*психологический портрет личности*), так и в социологии (*социальный портрет личности* или *социальной группы*). Во втором случае оно используется в оборотах типа “*социальный портрет американцев*” или “*социальный портрет современного рабочего*”, под которыми подразумевают *типовой облик* усредненного человека, характеризующий совокупностью вербальных и количественных (статистических) показателей. Мы же в свете вышесказанного будем понимать под социологическим портретом *полный облик* человека, полученный путем его рассмотрения во всех социально значимых *аспектах*.

Прежде чем приступить формированию *социального порт-*

рета Н.Н.Страхова сделаем еще одно методологическое отступление. К рассмотрению творческой личности можно походить с различных *сторон*. Можно, например, попытаться воссоздать ее жизненную, литературную, культурно-историческую или нравственно-эстетическую позиции (*анализ творчества*). Но возможен и более простой путь - путь постепенного накопления и систематизации сведений об отношении человека к жизни, о его взглядах и социальной активности (*анализ личности*). Оба направления во многом дополняют и пересекаются друг с другом. Так, можно смотреть на *личность* с позиций ее *творчества*, а можно угадывать в *творчестве личности* особенности автора.

Каждое из этих рассмотрений в свою очередь может осуществляться двояким образом. Во-первых, через *субъективное* отношение к *личности* и *творчеству* человека, когда исследователь пропускает через себя весь поток мыслей и чувств своего героя, дает им личностные оценки, сопереживает ему. Во-вторых, через максимальную объективизацию такого рассмотрения, целиком пожившись на чужие высказывания о предмете анализа и стараясь не допустить собственных сентенций. Каждый из подходов по-разному характеризует рассматриваемую личность или ее творчество.

Совместное применение двух пар подходов приводит к их взаимному пересечению и порождает соответствующие способы анализа личности. В таблице показан *конфигуратор* таких "взаимно ортогональных" *аспектов*, на пересечении которых зафиксированы *частные облики* (типы) анализа. Столбцам отвечают различные *предметы* рассмотрения (*стороны* объекта), а строкам - взаимно дополнительные противоположные *отношения* к ним.

Конфигуратор аспектов рассмотрения творческой личности

<i>Отношение</i>	<i>Личность</i>	<i>Творчество</i>
<i>Объективное</i>	1. Анализ личности в отзывах современников	2. Анализ творчества в зеркале критики
<i>Субъективное</i>	3. Анализ личности от первого лица	4. Анализ творчества от первого лица

Нами выбран первый тип анализа, т.к. в остальных случаях требуется широкое знакомство с произведениями и эпистолярным наследием автора. Отсутствие же современных изданий трудов Н.Н.Страхова и архивных разработок сильно затрудняет задачу исследования его воззрений. Поэтому на первом этапе выбранный

нами путь кажется более простым в реализации и обеспечивает предварительное знакомство со сравнительно немногочисленными материалами, посвященными Страхову. Желая увидеть *социальный портрет* нашего земляка, мы начали с обзора известных высказываний его современников.

Близкое знакомство, а для многих знавших его, и плодотворное сотрудничество, дают непосредственное живое представление о нем. Однако помимо друзей и единомышленников у Страхова, как у всякого критика и самобытного мыслителя, имелись оппоненты, не всегда доброжелательно, а иногда и откровенно враждебно относившиеся к нему. Были они как среди радикалов, так и в стане консерваторов. Попытаемся учесть и их *точки зрения*.

Личность Н.Н.Страхова, как и всякого крупного мыслителя, была сложной и многогранной. Русский философ В.В.Розанов, близко знавший его, говорил о нем как о человеке, который *“в одном Я совместил 1) философа-аналитика; 2) биолога; 3) литературного критика; 4) публициста”* (3; с. X). Однако мы будем систематизировать отзывы современников не по профессиональным, а по другим социально значимым аспектам, помогающим пролить свет на *духовно-мировоззренческую, морально-этическую, социально-деятельностную и профессионально-деловую стороны* этой замечательной личности.

Говоря о *духовно-мировоззренческом облике* Н.Н.Страхова, стоит подчеркнуть, что многополярность, объективность, глубокая продуманность взглядов не позволяла современникам однозначно отнести его к представителям того или иного течения. Его просили - выбросите свой флаг, покажите в чьих рядах Вы стоите, за чьи идеалы боретесь? Но он не хотел вставать в ряды противоборствующих, ему казалась примитивной бинарная логика *или-или*. Жизнь *многогранней*, считал он, в ней господствует *полимодальная* (как сказали бы мы теперь) логика, логика *плюрализма и консенсуса*, логика *дополнительности различного, единства противоположного*, логика *и-и*, а не логика борьбы до полного устранения одной из *сторон*.

Он был сторонником, выдвинутых Аполлоном Григорьевым, концепций *многоцветной истины и органического взгляда* на жизнь. Под этим Страхов понимал отказ от узких *односторонних* оценок рассматриваемых событий, необходимость *комплексного* взгляда на них с позиции различных нравственных установок, собственных многим национальным культурам. *Плюралистичность* оценок событий должны восходить к реальности как высшему критерию их истинности. Важнейшим из принципов, которым руководствовался Николай Николаевич в своей научной и общественной деятельности, был *принцип теоретической терпимости*. Он отстаивал право на *многообразие* воззрений, на уважение к своим и чужим взглядам, но резко возражал против принудительного, во-

левого навязывания их, против убеждения в своей правоте посредством давления, цензуры, против применения репрессий в отношении инакомыслящих.

Высшим авторитетом для него были идеалы единства, цельности, внутренней стройности, соразмерности всего существующего. Не случайно современники называли его *философом меры и гармонии*. Ему был органически присущ целостный подход к миру, что со всей отчетливостью проявилось в одном из основополагающих трудов Страхова "Мир как целое".

Широкою и пестрою палитру представляла политическая и общественная жизнь второй половины XIX в. Наиболее известны течения *прозападной* и *славянофильской* ориентации. Н.Н. Страхов не укладывался в них. Не укладывался он и в шкалу *теизм - атеизм*. По его словам, он был противником всяких *измов*. Позже Н.Н.Страхова вместе с Ап.А. Григорьевым, Н.Я.Данилевским, К.Н. Леонтьевым В.В.Розановым, С.Н.Булгаковым и некоторыми другими русскими философами и писателями пытались причислить к *консерваторам*, противопоставляя их *радикалам* (неважно, левым или правым).

Еще его называли теоретиком *почвенничества*. К этому течению относили Ап.А.Григорьева, братьев М.М. и Ф.М.Достоевских и некоторых других "*консерваторов*". Требование учета национальной самобытности, связи социального и духовного развития России с *национальной почвой* вызывала резкую критику со стороны радикально настроенной интеллигенции - М.А.Антоновича, П.Л.Лаврова, Д.И.Писарева, М.Е.Салтыкова-Щедрин, В.И.Танеева, Н.В.Шелгунова и других.

Л.Н.Толстой давал очень образную характеристику внутреннему миру Страхова: "*Бывают души, у которых одни двери... У вас сложные коридоры, но апартаменты хорошие - и, главное, я их люблю. И всегда хотел проникнуть в них. Вы всегда говорите, пишете, думаете об общем - объективны*" (4, с. 771). Великий писатель пристально вглядывался в своего друга. "*Знаете ли вы, - писал Толстой Страхову, - что меня в вас поразило больше всего? Это выражение вашего лица, когда вы раз, не зная, что я в кабинете, вошли из сада в балконную дверь. Это выражение чуждое, сосредоточенное и строгое объяснило мне вас... Я уверен, что вы предназначены к чисто философской деятельности*" (4, с. 697-698).

Но Лев Николаевич не обманывался в отношении трагического духовного разлома, деформирующего *внутренний облик* друга и ощущал в себе во многом сходные признаки разлада с самим собой. Он считает Страхова *духовно* больным. Причину этой болезни он видит в прецизионном центрировании противоположных устремлений, в слишком точно сбалансированном соотношении плотского и духовного. Толстой, характеризуя такое состояние духа, в одном из не отправленных писем Страхову замечает, что

“есть такие несчастные, как мы с вами, у которых центр тяжести в середине и они разучились ходить и стоять” (4, с.869).

Продолжая отвечать на беспощадное письмо-исповедь, написанное Страховым в один из драматических периодов его жизни, великий писатель говорит: *“Вы хотите добра, - а жалеете, что в вас мало зла; что в вас нет страстей. Вы хотите истины, а жалеете и как будто завидуете, что у вас нет ничего хищного... И вам писать свою жизнь нельзя. Вы не знаете, что хорошо, что дурно было в ней. А надо знать”* (4, с.869). Трудно получить подобный анализ своего духовного состояния даже от близкого друга, даже инициированного собственными признаниями. Видимо, поэтому Толстой несколько раз порывается отправить свой ответ, каждый раз смягчая формулировки, но все равно читаешь их как приговор.

Высокие морально-этические и душевные качества Н.Н.Страхова признавались многими современниками. Показательна в этом плане оценка, которой он удостоился при избрании в 1894 г. одновременно с Л.Н.Толстым почетным членом Московского (а по сути всероссийского) Психологического Общества. *“Человек разносторонне и широко образованный, мыслитель тонкий и глубокий, замечательный психолог и эстетик, Н.Н.Страхов представляет и как личность выдающиеся черты, - писалось в характеристике московских психологов, - стойкостью своих убеждений, тем, что он никогда не боялся идти против господствующих в науке и литературе течений, восставать против увлечений минуты и выступать в защиту тех крупных философских и литературных явлений, которые в данную минуту подвергались гонению и осмеянию”* (5, с. 3). С глубоким удовлетворением узнав об этом избрании, он писал 5 февраля: *“На моей могиле можно будет, конечно, написать: один из трезвых между угорелыми, но дальнейшие похвалы подлежат еще большему вопросу”* (5, с.8).

Твердость и выдержка Н.Н.Страхова отмечалась многими современниками. Так, в своем письме из Парижа а В.Д.Констатнт Ф.М.Достоевский, описывая азарт картежника, замечает, что даже зная секрет игры, - поминутно сдерживаться и не увлекаться, никто не может им воспользоваться. Даже человек *“с семью пядями во лбу и с железным характером”* и то, по словам Достоевского, *“прорвется”*. *“Даже философ Страхов и тот бы прорвался”* - заключает писатель (6; с. 40). В.В.Розанов, достаточно критически характеризующий многих современников, отзывался о Страхове как об одном из *“честнейших либералов, свободолобцев и гуманистов”* (7; с. 213).

Большое участие принимал Страхов в судьбах мало кому известных, а позже находящихся под постоянным огнем критики, самобытных русских мыслителей Ап.А.Григорьева, Н.Я.Данилевского, В.В.Розанова. Он был духовным учителем Ф.М.Достоевского

(в значительной степени художественная философия в произведениях Ф.М.Достоевского - плод размышлений Страхова), много и самоотверженно помогал А.Н.Толстому. Показательно, что Николай Николаевич первым оценил талант будущего великого романиста. Так, еще в 1870 г., после первой публикации романа "Война и мир", вышедшего из-под пера мало кому известного автора Н.Н.Страхова признал его "*самым великим и самым лучшим*" творением мировой литературы. Причем для того времени, по словам профессора А.А.Введенского, "*мнение Страхова было едва ли не единственным*" (8; с. 3).

Позже он много и в разном качестве помогал корректировать, шлифовать и издавать разные произведения Толстого. Об этом свидетельствует сам автор в переписке со Страховым. Признательность великого романиста доходила до того, что в первом варианте завещания он указывает на Страхова как на одного из распорядителей своего эпистолярного наследия (4; с. 876).

Подобный альтруизм, участие во многих судьбах, анализ и критика чужих трудов (порой в ущерб собственному творчеству), растворение собственных взглядов и мыслей в творениях других авторов постепенно отодвигали личность Страхова на второй план, ослабляя блеск его таланта на небосклоне российской культуры второй половины XIX века.

Социально-деятельный облик Н.Н.Страхова соответствовал его мировоззренческой и нравственной позиции, он находил свое выражение в отношении философа к окружающей действительности. Сам Страхов утверждал, что в 60-е годы не принимал никакого прямого участия в тогдашнем общественном движении. По мнению некоторых исследователей, Николай Николаевич отличался одаренностью, уравновешенностью, беспристрастием и философской отрешенностью от текущих забот.

Ровесник и друг А.Н.Толстого, рожденный под знаком Весов, Н.Н.Страхов исповедовал разумное, взвешенное отношение к жизни. Ему в равной мере был чужд как левый радикализм народников, анархистов, эсеров, революционных демократов, так и правый радикализм черносотенцев, монархистов, теистов. Не зря сам Страхов писал в одном из своих произведений, что "*господствующую силу у нас имеют два крайних направления - фанатический радикализм и фанатическое староверство*" (9; с. XII). Находящемуся же между баррикадами доставалось сильнее всего. Теисты обвиняли его в прохладном отношении к ортодоксальной теологии, атеисты не могли простить ему аскетического образа жизни и семинарского образования.

Но не для Страхова была *революционность* или *реакционность* взглядов - он не приветствовал необдуманных решений и скоропалительных действий, приводящих к печальным последстви-

ям. Страхов проводил в жизнь экологический императив *“Не навреди!”*, вытекавший из его гармонизирующего и целостного взгляда на мир. Это обстоятельство позволяет говорить о нем как об одном из основоположников экологического мышления в природе и обществе. *“Страхов, - пишет в конце XX в. по этому поводу Л.Р.Авдеева, - ничуть не воодушевлялся проектами, мечтами, утопиями грядущего всеобщего благополучия, основанном на идее преобразования природы”* (10, с. 127). Это давало повод современникам называть его философию *“охранной”*. Как разительно отличалась такая *“охранность”* от набравшей обороты нетерпимости и нетерпеливости общественной жизни второй половины XIX в. В то время, когда другие интеллигенты кричали и звали Русь к топору, Страхов годами работал за письменным столом - искал решения мучительных проблем. Иногда это ему удавалось, а иногда проблема оставалась нерешенной. Это была стадия постановки и осмысления мировоззренческих, методологических и социальных проблем в истории отечественной и мировой философской мысли. Характерно название одной из работ Страхова - *“О развитии организмов. Попытка точно поставить вопрос”* (11). Один из таких вопросов состоял в определении причин, почему же нет стабильности в обществе, почему корабль российской государственности постоянно захлестывает то слева, то справа? Некоторые из этих вопросов будут решены позже другими мыслителями. Но корректная и своевременная постановка подобных вопросов составляет важнейшую задачу философа и социолога.

Однако такое рационально-взвешенное отношение к действительности было лишь одной стороной *социально-деятельностного облика* философа. Духовный разлом давал себя знать, видимо и на этом уровне. Он мучился собственной пассивностью, но ничего не мог с собою поделать. Страхов, видимо, не осознавал, что своей позитивной критикой произведений Пушкина, Толстого, Фета, Полонского и других замечательных русских литераторов он решал и *“положительную задачу”* - выискивал образцы, эталоны настоящей литературы, показывал *“как надо”* творить. Значительную положительную роль страховской критики отмечает В.В.Розанов. Так, выделяя три стадии, три течения (три *аспекта*) в отечественной литературной критике, нацеленных соответственно на анализ *эстетического достоинства* литературного произведения, на рассмотрение его *жизненного значения* и на объяснение его *специфики и исторической роли*, В.В.Розанов считал Н.Н.Страхова *“тонким, настойчивым и успешным толкователем”* третьего из них (7; с. 160).

Одной из причин его *“пассивности”* была тотальная цензура, висевшая гирей на пере писателя. И во время Н.Н.Страхова, и значительно позже, в России трудно было иметь и отстаивать свое мнение. *“В стране, где нет еще полной свободы слова, - писал*

Николай Грот в посмертных воспоминаниях, - *всякому критику, с каким бы ни было мирозерцанием, живется тяжело: ремесло его неблагоприятное. Он создает себе врагов только вследствие неизбежных недомолвок, умолчаний и предосторожностей. И несомненно, что Страхов разделял участь всех русских писателей - невозможность иногда высказаться вполне, до конца - и должен был терпеливо выносить происходившие отсюда недоразумения, видеть непонимание своих намерений и замыслов, терпеть упреки в двулличии и политическое заподозривание - иногда даже в ретроградных тенденциях*"(5; с.6).

Многие современники и отмечают высокие *профессионально-деловые качества* русского мыслителя. Так, Достоевский в своих письмах часто положительно отзывается о нем. "*Один из них (Страхов...), - признается писатель, - мнению которого я более всего доверяю*" (6; с. 107). "*Николай Николаевич Страхов - человек ума высокого*", - пишет он в другом письме (6; с. 243).

Его идейный противник Н.П.Вагнер называл воззрения Н.Н.Страхова *перегородочной философией* (12). Философ соглашался с таким "*живописным названием*", но трактовал его по-своему. Он понимал *перегородочность* в смысле придания каждому понятию вполне определенного значения, в необходимости четко мыслить (а не только исследовать), в систематизации знаний и суждений, в строгости выводов. "*С какого, в самом деле, отчетливостью проводятся на страницах его сочинений разграничительные черты между соприкасающимися областями бытия и знания!*" - восклицает профессор А.Введенский, анализирующий смысл философии Н.Н. Страхова (13; с.21). Такая четкость мышления проистекала из глубокого понимания Страховым обозначающихся тенденций в русской культуре, из отчетливого представления об их источниках, причинах и возможных последствиях.

Страхов работал увлеченно, писал легко, ставил острые вопросы, касался самых актуальных проблем. Правда, стиль его местами кажется вялым, недостаточно эмоциональным. Но каким бы сложным не был предмет, его изложение было ясным, оно подкупало меткостью определений, отсутствием общих фраз, разносторонней аргументацией. И в этом отношении Страхов выгодно отличался от многих современных ему литераторов. "*У вас есть одно качество, - отмечал Толстой в переписке со Страховым, - которого я не встречал ни кого из русских, это при ясности и краткости изложения - мягкость соединенная с силой: вы не зубами рвете, а мягкими сильными лапами*" (4, с. 698).

Знавшие Страхова, отмечали высокую требовательность критика к своим работам. Он настолько тщательно отработывал их содержание и стиль, что вызывал насмешки со стороны братьев Достоевских. А отзывы Толстого даже о маленьких заметках пест-

рят похвалами: “так кратко и так содержательно”, “кратко и кратко”, “ново и вместе с тем просто и ясно”. Великий писатель и замечательный стилист Л.Н.Толстой писал Страхову, что “в вашей манере писать есть то самое, что выражает сущность вашего характера” (4; с. 250).

Особенно трудно было писать в условиях политической цензуры, но это не мешало Страхову филигранно оттачивать свою речь. Подобное обстоятельство не ускользнуло от цепкого взгляда Толстого, который отмечал, что “когда примешь во внимание те условия цензурные, при которых вы писали, поражаешься мастерством изложения” (4; с. 219). Толстой считал Страхова мастером сарказма (2; с. 219).

Известно, что биографию Страхова писал его оппонент - В.С.Соловьев. Поэт А.А.Полонский посвятил Николаю Николаевичу стихотворение “Вечная ткань”, написанное в 1877 г., которое Толстой назвал *прелестным* (2; с. 801). Существуют и другие источники, в которых можно найти много интересного о личности и *социальном облике* замечательного, но мало известного русского мыслителя. Тактика замалчивания, господствовавшая в советской историографии, привела к тому, что эти материалы, равно как и многие достижения культурной мысли медленно уходят в прошлое, исчезая из поля зрения последующих поколений. “Таков, впрочем, вообще удивительный ход умственного прогресса, - пишет Страхов в одном из писем И.С.Тургеневу, - сегодня мы забываем то, что сделано вчера, и каждую минуту чувствуем себя так, как будто за нами нет ничего прошлого, - каждую минуту готовы начать все сызнова” (10, с.136).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Данакин Н.С., Курганский С.И. Личностные структуры. Белгород: Центр социальных технологий, 1996.

2. Фомин В.Н. Применение конфигурационного анализа и синтеза в системном моделировании // Международная конференция “Промышленность строительных материалов и стройиндустрия, энергия и ресурсосбережение в условиях рыночных отношений”. Часть 8. “Математическое моделирование и информационные технологии”. Сборник материалов миниконференции. Белгород, 6-9 октября 1997 г. Белгород, БелГТАСМ, с.136-141.

3. Розанов В.В. Литературные изгнанники. - Т.1. Спб., 1913.

4. Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 22 т. М., 1985, т. XVII-XVIII.

5. Грот Н.Я. Памяти Н.Н. Страхова. К характеристике его философского мирозерцания // Вопросы философии и психологии. М., 1896.

6. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т. Л., Наука, 1985, т. 28.

7. Розанов В.В. Сочинения. - М.: Сов. Россия, 1990.

8. Введенский А.И. Значение философской деятельности Н.Н.Страхова // Образование. 1896, № 3, Отд. II, С. 1-8.

9. Страхов Н.Н. Из истории русского нигилизма. 1861-1865. СПб., 1890.

10. Авдеева Л.Р. Русские мыслители: Ап. А. Григорьев, Н.Я. Данилевский, Н.Н. Страхов (философская культурология второй половины XIX в.). М., Изд-во МГУ, 1992.

11. Страхов Н.Н. О развитии организмов. Попытка точно поставить вопрос // Природа. Кн. 1, М., 1874, с. 1-58.

12. Вагнер И.П. Прегородочная философия и наука (открытое письмо к г. Страхову) // Новое время, 1883, 13-го июля (№ 2647) и 20-го июля (№ 2654).

13. Введенский А.И. Общий смысл философии Н.Н. Страхова. М., 1897.